

*С. Л. Фирсов, доктор исторических наук,
профессор кафедры философии религии
и религиоведения философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Накануне великих потрясений: Православная Российская Церковь в первые месяцы после Февраля 1917 года (социально-психологические и морально-нравственные аспекты проблемы)

1917 год изменил течение жизни императорской России, ознаменовав начало новой эпохи, контуры которой только просматривались тогда. Однако было ясно, что прежняя модель государственного устройства разрушена, поскольку покоилась на признании незыблемости монархического принципа, в качестве обязательного элемента предусматривавшего союз Церкви и государства. Уход с исторической сцены Верховного ктитора Церкви – православного императора – уничтожило и принцип «симфонии властей» (разумеется, в том виде, как он сформировался в течение XVIII – начале XX вв.). Православная Церковь, до 1917 года являвшаяся главенствующей конфессией империи, оказалась в весьма странном положении: ведь в своем отречении государь, имя которого поминалось за каждым богослужением, ни слова не сказал о ней¹. С формальной точки зрения, этого и не требовалось – он отрекался в пользу брата, надеясь на то, что тот примет бразды правления. Однако, и великий князь, отказываясь принять власть до решения Учредительного Собрания, в своем манифесте от 3 марта также ни слова не сказал о Церкви².

Получалось, что Учредительное Собрание, устанавливая форму правления, тем самым должно было решить и вопрос о том, как будут складываться отношения государства и Церкви. Однако, трудно представить, что даже в случае поддержки монархической государственности новые правители России согласились бы на сохранение прежней «симфонии». Не случайно, много лет спустя, вспоминая свою работу в качестве министра исповеданий Временного правительства, А. В. Карташов подчеркивал: «Новая власть через свою обер-прокуратуру предупреждала церковное общество, что впредь отношения государства к православной церкви и другим исповеданиям будут строиться под руководством начала отделения церкви и государства, хотя бы и не в его чистой абстрактной форме»³.

Собственно, он говорил не об «отделении», а об «отдалении» Церкви и государства «друг от друга на такое расстояние, которое давало бы и Церкви свободу, и Государству позволяло быть светским, а не односторонне

¹ Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В. М. Хрусталева, Л. А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 40.

² Там же. С. 43.

³ Карташов А. В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 20.

конфессиональным»⁴. Понятно, что А. В. Карташов имел в виду, ибо прежде фразы об «отдалении» он привел проект положения Предсоборного Совета от 13 июля 1917 года, который предполагалось рассмотреть на будущем Поместном Соборе и затем внести в Учредительное Собрание. Проект предусматривал оставление за Православной Церковью первого, среди других вероисповеданий России, публично-правового положения. Государство лишалось права вмешиваться в сугубо церковные вопросы (церковного устройства, законодательства, управления, суда, учения веры и нравственности, богослужения, церковной дисциплины и внешних сношений с другими Церквами), имея лишь право надзора за ее деятельностью исключительно в отношении соответствия действия церковных органов государственным законам. Глава государства и министр исповеданий должны были быть непременно православными. Предусматривались и ежегодные ассигнования государства Церкви.

Все это – в теории. Практика оказалась совершенно иной: уже в январе 1918 г. новое правительство – ленинский Совнарком – обнародовало декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, радикально решив вопрос «отделения» и порвав все ранее соединявшие ее со светской властью нити. Построить систему «взаимной независимости» соборной Церкви и правового государства при их моральном и культурном сотрудничестве не удалось. Задаваться вопросом, что было бы, если бы Временное правительство удержалось у власти, по понятным причинам, не приходится. Однако, вполне корректно задать вопрос о том, насколько была готова Церковь к тем глобальным изменениям, которые принесла в Россию революция, насколько психология ее архиереев, священников и активных мирян соответствовала переживавшейся тогда ситуации. Ответ на данный вопрос позволяет лучше разобраться и с важной проблемой, связанной с пониманием церковными людьми социально-политической катастрофы, последствием которой стали беспрецедентные гонения на религию и верующих, начатые вскоре после прихода к власти партии большевиков.

Известно, что Февраль для многих подданных российской короны был трагедией. «С падением царя, – писал генерал барон П. Н. Врангель, – пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ничем соответствующим заменены»⁵. Барон писал это в эмиграции, после того как Белое дело было проиграно и оставалось лишь анализировать причину появления и распространения «русской смуты», принявшей форму гражданской войны. П. Н. Врангель, как видим, усматривал истоки трагедии в падении самодержавной государственности. Но царь был не только олицетворением власти как таковой, для верующих он был православным государем, олицетворением, если угодно, и «светской церковности».

⁴ Там же. С. 21.

⁵ [Врангель П. Н.] Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 1. С. 26.

Показательные воспоминания оставил на этот счет митрополит Евлогий (Георгиевский), указывавший, что после отречения императора и отказа от верховной власти великого князя Михаила Александровича было решено помянуть «благоверное Временное правительство», причем диаконы на ектеньях иногда путали, возглашая этому правительству «многие лета»⁶. Доходило и до полного абсурда: 3 марта писательница З. Н. Гиппиус в дневнике отмечала, что «...где-то поп на свой страх, растерявшись, хватил: “Ис-пол-нительный ко-ми-тет...”»⁷, очевидно, имея в виду Исполнительный комитет Государственной Думы, который в те дни обладал реальной властью в Петрограде.

Переход от самодержавия к новой форме власти/безвластия и не мог обойтись без подобных эксцессов. Революция, по крайней мере, на первых порах, вызвала энтузиазм у многих, кто ранее заявлял о себе как о «верноподданных». Упомянувшийся выше митрополит Евлогий приводил примеры того, как бывшие черносотенцы требовали исполнения «Марсельезы», а преподаватели духовных училищ, несмотря на пост, приветствовали своих архиереев пасхальным «Христос Воскресе»! Впрочем, «несмотря на все ликование вокруг меня, – вспоминал митрополит Евлогий, – на душе моей лежала тяжесть. Вероятно, многие испытывали то же, что и я. Манифест об отречении Государя был прочитан в соборе, читал его протодиакон – и плакал. Среди молящихся многие рыдали. У старика городского слезы текли ручьем...»⁸.

Эти «многие» в те дни, тем не менее, не смогли противостоять агрессивным действиям приветствовавших новый строй активистам. Казалось, что «большинство» было на их стороне. Св. Синод не смог «по горячим следам» внятно и ясно заявить о случившемся. Обращение его членов появилось лишь 6 марта – с недопустимым (по меркам того времени) опозданием. Ничего кроме констатации случившегося в его обращении не содержалось. Синодалы только отметили, что «свершилась воля Божия» и «Россия вступила на путь новой государственной жизни». Одновременно были приняты и определения об обнародовании в храмах манифестов об отречении (императора Николая II и великого князя Михаила Александровича) и о совершении молебствий «об утишении страстей, с возглашением многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному правительству ея»⁹.

Само определение о возглашении временному институту власти многолетия выглядело странно, но в условиях революции такая «мелочь» вряд ли могла кого-либо серьезно удивить. Жизнь стремительно менялась, и эти изменения

⁶ [Евлогий (Георгиевский), митрополит]. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 263.

⁷ Гиппиус З. Н. Петербургские дневники. 1914–1919 // Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. Т. 1-2. С. 300–301. Запись от 3 февраля 1917 года.

⁸ [Евлогий (Георгиевский), митрополит]. Указ.соч. С. 263.

⁹ Определения Св. Синода от 6 марта 1917 г. // Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 58.

самым негативным образом сказывались на бытии Православной Церкви (показательно, что «Церковные ведомости», в которых публиковались названные определения, вышли со значительной задержкой – уже в апреле, причем под одной обложкой были объединены сразу семь номеров – с 9-го по 15-ый).

Что же представлял собой в то время высший орган церковного управления – Святейший Правительствующий Синод, насколько он был влиятельной и авторитетной силой?

Увы, следует сказать, что накануне революции в Св. Синоде не было согласия, более того, многие его члены открыто выражали свое неудовольствие главой Петроградской епархии – митрополитом Питиримом (Окновым), который пользовался сомнительной славой «распутинца» и не находил поддержки у первоприсутствующего члена Св. Синода митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), равно как и у большинства других синодалов. Не пользовался влиянием и митрополит Московский Макарий (Парвицкий-Невский), в силу возраста практически не принимавший активного участия в решении общецерковных дел. Кроме названных митрополитов в последний предреволюционный состав Св. Синода входили архиепископы: Финляндский Сергей (Страгородский), Литовский Тихон (Беллавин), Новгородский Арсений (Стадницкий), Гродненский Михаил (Ермаков), Нижегородский Иоаким (Левитский), Черниговский Василий (Богоявленский), и протопресвитеры: армии и флота Георгий Шавельский и придворного духовенства Александр Дернов. Все они, за исключением митрополита Петроградского, и подписали определение от 6 марта. Что касается столичного архипастыря, то к 6 марта он уже не входил в состав Св. Синода, будучи еще 28 февраля арестован и препровожден в Государственную Думу¹⁰.

Можно ли говорить о том, что они покорились обстоятельствам, отказавшись от какого-либо противодействия набравшей силу революционной волне?

Подобный вопрос не нов. Его давно ставили, причем и современники переживаемых событий, и исследователи. Ответы на него были обычно максималистичны. Так, протопресвитер Георгий Шавельский, сам член Св. Синода и один из наиболее влиятельных церковных деятелей предреволюционной России, был весьма невысокого мнения о митрополитах последнего («царского») его состава, заявлял об «оскудении в архиерействе». Отмечая как «выдающихся» архиепископов Сергия, Тихона, Арсения, Иакова, протопресвитер Г. Шавельский, тем не менее, заявлял, что «беспримерно убогий по своему составу митрополитет все же в известном отношении характеризовал состояние нашей иерархии предреволюционного времени». Церковная власть, по его мнению, не позаботилась о подготовке «командного состава» для борьбы с объявившем Церкви войну веком, не выработала плана борьбы. Причины этого он видел в том, что члены Св. Синода выбирались не по удельному весу, а

¹⁰ О его судьбе см. подр.: Фирсов С. Л. Искусившийся властью. История жизни митрополита Петроградского Питирима (Оконова). М., 2011.

по воле обер-прокурора, которому нужны были не сильные, а послушные и угодливые. Соответственно, лучшие силы не составляли в Св. Синоде большинства¹¹. Однако и сам отец Георгий в роковые дни не выступил в поддержку монархии, подписав 6 марта синодальные определения. Следовательно, и он не пошел «против течения», как ранее, 26 февраля, вместе с остальными, присутствовавшими в Петрограде синодалами, не поддержал предложения товарища обер-прокурора князя Н. Д. Жевахова выпустить от имени Св. Синода воззвание к населению, предупредив, что всех, выступающих против власти, постигнет церковная кара¹².

Следует ли из этого, что высшие церковные иерархи «предали» царя и по сути поддержали революцию?

Прежде чем попытаться ответить на поставленный вопрос, отметим, что в последнее время появились исследователи, именно так и оценивающие роль православных архиереев в 1917 году. Один из популяризаторов подобного взгляда – московский историк М. А. Бабкин – даже выпустил по этому поводу объемную монографию¹³. Кратко взгляды М. А. Бабкина можно охарактеризовать следующим образом: уже 6 марта русский епископат перестал возносить молитвы о царе, вскоре появилась и формула: «О Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве ея». Изменилась и последовательность возгласий: вначале поминалась церковная, а уже затем – государственная власть; упразднены были и «царские дни» (причем до того, как их упразднило Временное правительство). По мнению М. А. Бабкина, высшее российское духовенство с легкостью внесло нововведения в содержание богослужебных книг, изменив церковно-монархическое учение о государственной власти, которое до марта 1917 г. было созвучно державной формуле «За Веру, Царя и Отечество». Изменение смысла, по мнению историка, заключалось в «богословском оправдании» революции, то есть в богослужебной формулировке тезиса о том, что «всякая власть от Бога», чем в богослужебной практике проводилась мысль, что смена формы власти как в государстве, так и в Церкви (в смысле молитвенного исповедания определенного государственного учения) – явление не концептуального характера и не принципиальное. Вопрос же о будущем выборе Учредительным Собранием формы власти был решен Св. Синодом и богословски, и практически в пользу народовластия.

«В первые дни и недели после Февральской революции, – пишет М. А. Бабкин, – иерархия Российской Церкви своими действиями по замене молитвословий дала понять, что сущностных отличий между царской властью и властью Временного правительства для нее нет. То есть, нет и не должно быть места императора в Церкви, не может быть царской церковной власти. Иными

¹¹ Шавельский Г., протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. М., 2005. С. 78–79.

¹² См. подр.: [Жевахов Н. Д.]. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. С. 288.

¹³ Бабкин М. А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.

словами, власть царя преходяща и относительна. Вечна, надмирна и абсолютна лишь власть священства, первосвященника. Отсюда и тезис воинствующего клерикализма: «Священство выше царства»¹⁴.

Полагаю, что это слишком смелые рассуждения, требующие изначальной веры в то, что иерархи сознательно стремились, использовав как повод падение самодержавной власти русского царя, решить в свою пользу старый спор о «священстве» и «царстве». Более умозрительных заключений, чем приведенный выше, и представить невозможно. Сложную морально-нравственную обстановку, когда большинство церковных деятелей не представляло себе будущего «новой России», объяснять с помощью искусственно реанимированных теорий эпохи царя Алексея Михайловича, по меньшей мере, наивно.

Безусловно, церковные деятели желали уменьшить государственную опеку, восстановить патриаршество и по-иному, чем было в синодальную эпоху, оформить церковно-государственные отношения. Но из этого вовсе не следовало, что они «предали» старый порядок. Выступив в качестве теоретика, М. А. Бабкин, к сожалению, показал, что «большое» не всегда видится на расстоянии (тем более, что в первые же недели нового порядка члены «царского» Св. Синода увидели в «революционном» обер-прокуроре В. Н. Львове давно знакомого им всевластного светского чиновника, не желавшего слушать архиереев, а стремившегося ими «повелевать»). В том-то, думается, и было дело, что в «царских» синодалах В. Н. Львов видел представителей свергнутого режима, желавших не свободы (как ее понимал сам Львов), а максимального усиления собственной власти. Заявляя, что прежний Синод составлен «темными силами» (под которыми понимался Гр. Распутин и близкие к нему лица), «революционный» обер-прокурор решил предпринять меры к освобождению Церкви от «гангренозных пятен». Причина, им указанная, весьма и весьма показательна: он боялся церковной анархии, боялся того, что Церковь могла отделиться (sic! – С. Ф.) от епископата.

Приводивший эти слова В. Н. Львова церковный историк и сталинский сиделец Б. С. Бакулин, один из первых, к слову, кто стал анализировать феномен «церковной революции» 1917 г., полагал, что роспуск зимней сессии Св. Синода, возглавлявшегося митрополитом Владимиром (Богоявленским), «был актом большого значения: это означало, что церковная революция, начавшаяся снизу – с епархиальных общин, постепенно дошла до самых верхов церковной жизни, до центрального церковного управления и принудила низвергнуть старое, епископально-самодержавное управление и поставить на его место новое, соответственно воле клира и народа епархий»¹⁵.

¹⁴ Он же. Святейший Синод Православной Российской Церкви и свержение монархии в России: «священство» против «царства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.teopolitika.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=16%3A-lr-lr&catid=7%3A2009-02-04-13-08-06&Itemid=9.

¹⁵ Бакулин Б. Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия: На пути к свободе совести / Под общ.ред. С. Б. Филатова и Д. Е. Фурмана. М., 1993. Вып. II. С. 154.

Как видим, Б. С. Бакулин оценивал произведенные В. Н. Львовым изменения как необходимый этап «церковной революции», носившей не только антимонархический, но и антиепископский характер. Синодалы (хотя среди них были и два представителя белого духовенства) воспринимались как монархисты, не имевшие желания организовать церковную работу по-новому и содействовать созыву Поместного Собора. Получалось, что архиереи, характеризуемые М. А. Бабкиным в качестве «предателей», при ином взгляде на церковно-государственное устройство императорской России могут восприниматься совершенно иначе. Пытавшийся объяснить (если не оправдать) действия В. Н. Львова Б. С. Бакулин даже не считает нужным рассуждать о «каноничности» действий «революционного» обер-прокурора, поскольку де Синод изначально не предусматривался никакими канонами. По его мнению, было также странно слышать протесты «на неканоничность действующего и вполне сохраняемого Временным правительством старого порядка деятельности Синода со стороны тех, кто не только совершенно безропотно признавал его десятки лет до революции, но и даже сам действовал по этому порядку»¹⁶.

Безусловно, первые месяцы после Февраля были для главной конфессии империи временем, когда не только изменялось восприятие светской власти, олицетворением которой ранее был православный монарх, но также и эпохой «церковной революции». В ту эпоху проявилось то, что существовало и до 1917 года: противостояние белого духовенства и архиерейского корпуса. Это противостояние принимало порой весьма резкие формы, свидетельствуя о том, что безболезненно решить проблему было затруднительно. Она осложнялась также и тем, что в революционных условиях русскому епископату приходилось налаживать контакты с новыми органами светской власти (и это при том, что Временное правительство не обладало всей полнотой власти, вынужденно разделяя ее с различными общественными комитетами и Советами). По словам современного историка Церкви П. Г. Рогозного, много и глубоко изучавшего «церковную революцию» 1917 года, именно эти организации чаще всего видели в архиереях «агента старого режима», инициатива ареста епископов почти во всех случаях исходила от них.

Показательно, что сразу после победы Февраля аресту подверглись несколько архиереев, из которых два иерарха – Петроградский и Московский – были постоянными членами Св. Синода, а еще два – архиепископы Василий (Левитский) и Иоаким (Богоявленский) – вызывались самодержавной властью в Св. Синод на зимнюю сессию 1916–1917 гг.¹⁷. С психологической точки зрения,

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ После Февраля аресту подверглись следующие архиереи: Питирим (Окнов), Макарий (Невский), Василий (Богоявленский), Тихон (Васильевский), Серафим (Голубятников), Феодор (Поздеевский), Иоаким (Левитский), Палладий (Добронравов). Всего в марте – октябре 1917 года было уволено от управления епархиями 15 архиереев, в 11 епархиях состоялись выборы епархиальных владык. (См.: Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство

данное обстоятельство нельзя недооценивать: четыре члена Св. Синода были названы «контрреволюционерами», подверглись грубому давлению и шельмованию, причем среди шельмовавших далеко не в последних рядах были представители духовенства их епархий. Названные архиереи, как полагали их критики, не соответствовали «революционному духу времени». Данное обстоятельство, полагаю, не нуждается в комментариях, следует только отметить, что на сегодняшний день три из четырех названных членов Св. Синода 1916–1917 гг. причислены к лику святых: еще в 1981 году РПЦЗ решением Архиерейского Собора канонизировала архиепископов Василия и Иоакима как священномучеников, а РПЦ в 2000 году приняла такое же решение на своем Юбилейном Архиерейском Соборе относительно архиепископа Василия и митрополита Макария (Парвицкого-Невского) – последнего, правда, не в чине священномученика.

Таким образом, Церковь высказала свое отношение к тем, кого в 1917 году обвиняли – и на страницах церковной, и на страницах светской прессы. Значило ли это, что именно эти архиереи, в отличие от большинства своих собратьев-епископов, оказались настоящими «рыцарями монархии», пострадавшими от новой власти после того, как монархия пала?

Полагаю, такая постановка вопроса исторически некорректна. Архиереев, да и большинство рядового духовенства, как это ни покажется странным, мало интересовало тогда вопрос о государственном строе. «Им в первую очередь было важно сохранить структуру Церкви и ее многовековые традиции. Церковь по-прежнему должна была иметь возможность выполнять свои функции, не взирая на государственный строй, будь то самодержавие, республика или “диктатура пролетариата”»¹⁸. Пришедший к такому заключению П. Г. Рогозный, думается, не ошибается, тем более, что революция – это всегда и социально-психологические aberrации, время разрушения нормального хода жизни, когда о будущем судить затруднительно. Тем более, что представить себе государство, в котором Церковь оказалась бы на краю жизни, «отделенной» от нее, не мог никто из активных деятелей Февраля. Не следует забывать и другое обстоятельство: в тот период споры в церковной среде шли преимущественно о власти в Церкви. Поэтому, полагает современный историк, процессы, происходившие тогда в Церкви, следует именовать как «церковную революцию», отчасти бывшую и «революцией снизу»¹⁹.

Для нас важно, что эта революция шла одновременно с революционными пертурбациями в государстве, этими пертурбациями и будучи вызванной. Зная об этих обстоятельствах, рассуждать на тему об «антимонархических настроениях» архиереев представляется наивным; сам вопрос ставился по-другому. Мне уже приходилось писать, что многовековая привычка к

Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 208–209; 213).

¹⁸ Там же. С. 209.

¹⁹ Там же. С. 212.

подчинению светским властям, а также сословная замкнутость и вытекавшее отсюда слабое знание политических реалий, не способствовали до 1917 года формированию подготовленных к проведению самостоятельной церковной политики архиереев. Еще Первая российская революция (1905–1907 гг.) показала, что самостоятельность виделась им лишь в рамках юридически зафиксированного «первенства». Однако, было бы неправильно обвинять архиереев в близорукости: они были воспитаны и жили в то время, когда идея «свободы совести» понималась как покушение на прерогативы Церкви, а иерархи могли быть и были только верноподданными слугами самодержавного государя. Посему и судить о политической позиции князей Церкви в условиях Российской империи, акцентируя внимание на их «реакционности» (о чем так много писалось в 1917 году) – значит затушевывать вопрос о том, насколько сложившиеся в стране церковно-государственные отношения сказывались на формировании взглядов служителей православия²⁰.

С другой стороны, представители белого духовенства, особенно столичные пастыри, преподаватели духовных академий (в большинстве своем также выходцы из духовного корня) в условиях революции, в первые ее месяцы, попытались начать дискуссию о «свободной Церкви» в «свободном государстве», часто не скрывая своих «антиархиерейских» настроений. В их среде появились такие «прогрессивные» объединения, как «Союз прогрессивного Петроградского духовенства», «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян». Революционная обер-прокуратура находилась в тесных контактах с этими и подобными им организациями, действуя явно в ущерб архиерейской власти. Действия В. Н. Львова вызывали недовольство епископата, столкнувшегося с необходимостью психологически перестраиваться. Консолидировать церковные силы в такой непростой ситуации было невозможно, как невозможно было спокойно рассуждать и о необходимых изменениях в строе церковной жизни. И все-таки Церковь в лице своих архиереев нашла силы вновь начать подготовку Собора, тем более, что к лету 1917 года обстановка в стране несколько изменилась и «левые» настроения стали постепенно сменяться более консервативными²¹.

Однако, в русском образованном обществе 1917 года, как и ранее, к возможностям Церкви реформироваться относились весьма скептически. Если в 1906 году профессор Московской духовной академии В. О. Ключевский писал, что «Русской церкви, как христианского установления, нет и быть не может; есть только рясофорное отделение временно-постоянной государственной охраны»²², то в августе 1917 года другой известный историк – С. Ф. Платонов, задавая патетическим вопросом о том, «что может быть безотраднее

²⁰ См. подр.: Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 371–372.

²¹ См. подр.: Он же. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 485–505.

²² Ключевский В. О. Дневник 1901–1910 гг. // Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 301. Запись от 22 октября 1906 г.

впечатлений от безжизненности и фальшивости пресловутого “поместного собора”, называл Церковь «гробом повапленным»²³.

Ближайшее будущее доказало, что они ошибались: Поместный Собор 1917–1918 гг. стал выдающимся событием церковной жизни не только для Русской Церкви, но и для всего православного мира, а епископат, белое священство, монашествующие в условиях большевистского богоборчества в большинстве своем достойно встретили гонения; многие из них, уже в наше время, были причислены к лику святых как новомученики и исповедники. Но это будет впоследствии, а тогда, лишившись государственной поддержки, оказавшись в положении социальных париев, церковные люди сумели преодолеть максимализм первых месяцев революции. Выдержала испытание революцией и Церковь. Не будучи до 1917 года самостоятельной нравственной и политической силой страны, в условиях нараставших гонений она сумела «социализироваться» в секуляризирующемся мире, устами Патриарха Тихона и членов Поместного Собора громко заявив новым властителям России, что значат для ее чад слова Христа о «вратах ада», которые не одолеют Его Церковь²⁴.

²³ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. М., 2003. Т. 1. С. 230.

²⁴ См. напр.: «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. / Сост., автор статьи Н. А. Кривошеева. М., 2012; «В годину гнева Божия...». Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона. / Сост., автор статьи Н. А. Кривошеева. М., 2009.